



СЭДЗО:

ЗА ГРАНЬЮ СМЕРТИ



Xusi Xusi

Сэдзо: За гранью смерти. Том 1

<https://litres.ru/74211804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир шаманов делит людей на сильных и мёртвых.

Магацу не подходил ни под одну категорию.

Четыре руки, четыре глаза – и ни одного шанса на нормальную жизнь.

Охотники уже идут по его следу. Клань жаждет его крови. А сила внутри него начинает просыпаться.

Вопрос лишь один – кто умрёт раньше: он или весь этот мир.

Содержание

Глава 1. Роковое Дитя	4
Глава 2. Цена спасения	14
Глава 3. Жертва	20
Глава 4. Ключи от клетки	35
Глава 5. Первая печать	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сэдзо: За гранью смерти. Том 1

Глава 1. Роковое Дитя

Молниеносный поток ударов теснил Магацу. Он отступал, полагаясь лишь на свою вторую пару глаз, которая позволяла ему видеть траектории атак, но не давала физической возможности парировать их все. Рэн использовал технику крови, разгоняя потоки по всему телу, и с каждым мгновением ноги Рэна двигались всё быстрее, становясь размытыми пятнами, оставляющими синяки и ссадины на теле Магацу.

Идея пришла как холодный и отчаянный расчёт. Техника простейшего барьера, но не для защиты. Он придумал заложить в её основу не ослабление вражеских ударов, а бесчисленные крохотные пламенные лезвия – технику пламенных-разрезов.

Следующий разящий удар Рэна пришёлся в челюсть Магацу. Раздался глухой хруст. Но следом – странный влажный звук, словно режут сырое мясо. Рэн отскочил с завыванием, глядя на свою ногу: от ступни до бедра плоть была исполо-сована кровавой обугленной сеткой, как будто он сунул её в невидимую дробилку.

В миг его непонимания и боли Магацу атаковал.

Два его правых кулака с размаху врезались Рэну в грудь с силой, ломающей рёбра, и отшвырнули того к каменной стене. Удар о каменную кладку прозвучал приглушённо и тяжело.

Рэн, захлёбываясь кашлем с кровью, инстинктивно попытался залечить изуродованную ногу. Но едва восстановление коснулось раны, над ним возникла тень. Левая рука Магацу молотом обрушилась на его лицо, за ней правая – под дых, вышибая последние силы.

Прежде чем Рэн успел понять, где верх, а где низ, нижняя рука Магацу уже сложила печать вытенув два пальца. Взмах верхней руки – и Рэн с диким криком ощутил пустоту ниже пояса. Его ноги, его главное оружие и гордость, остались лежать поодаль, бессмысленно подрагивая.

Магацу поднял поверженного врага за горло, поднеся к своему окровавленному лицу. В последние секунды жизни Рэн увидел не торжество и не злорадство. Он увидел в четырёх холодных серых глазах лишь бездонную пустоту и ярость.

И тогда монстр нанёс свой последний милосердный удар. В тот же миг ледяной ветер прошёлся по улице. Воздух сгустился, тяжёлый и сладковатый, пахнувший озоном и гниющими цветами. Из тени за соседним зданием вышел человек. Вернее, нечто в облике человека, облачённое в безупречные белые одежды Инквизитора Верховного Совета. Его глаза, сияющие холодным светом, безразлично скольз-

нули по телу Рэна, а затем усталились на Магацу.

— Нарушение Кодекса Седзино, статья седьмая: несанкционированное убийство шамана на подконтрольной территории, — голос был ровным, как поверхность озера перед бурей.

— Ты портишь статистику, Отверженный. Совет не любит, когда его цифры портят.

Магацу почувствовал, как по его спине пробежал разряд, который он тут же подавил яростью. Это был не просто страж порядка. Это был Охотник. И его добычей был он.

Вид безупречно белых одежд Инквизитора на мгновение выжег в его памяти другой образ – такой же белый, чистый и беспощадный.

Снег, падающий на пепелище его дома. И окровавленное лицо матери – последнее, что он видел, прежде чем мир поглотила тьма.

Тогда, много лет назад, холод был единственным, что он чувствовал.

Колючий снег забивался под его грязную рубашонку, но этот ледяной укус был ничто по сравнению с холодом внутри. Он сидел, прижавшись к ещё тёплому телу матери, и смотрел на догорающие балки того, что ещё утром было его домом. Её кровь, тёплая и липкая, уже начинала замерзать на его щеке.

— Не плачь, мой мальчик, — прошептала она тогда, её голос был хриплым от боли. Её пальцы дрожали, вытирая с

его лица слёзы, которые он сам не ощущал.

— Они боятся тебя. Потому что ты особенный. Ты — правда, которую они не могут скрыть. — Юмико крепко обхватила сына.

Он не понимал этих слов, но понимал ненависть в глазах воинов, ворвавшихся в их покои. И теперь понимал пустоту в своём сердце.

Её пальцы внезапно обмякли.

Тишину зимней ночи нарушал только треск огня и его собственное прерывистое дыхание. Он был один. Один со своими четырьмя руками, которые не смогли ничего удержать. Со своими четырьмя глазами, которые видели, как умирает всё, что он любил.

В тот миг его сердце, уже окаменевшее от горя, покрылось последним непробиваемым слоем льда. Льда, который однажды он вернёт этому миру.

Холодный пепел забивал горло, а в ушах всё ещё стоял звон от криков и треск пламени. Магацу, не останавливаясь, наклонился, сгрёб в ладони снег и растёр его в пальцах, пытаясь согреть. Вода, смешиваясь с копотью и потом, стекала грязными ручьями, но он упрямо продолжал, пока не получилось ледяная каша.

Осторожно своими многочисленными неловкими пальцами он протёр лицо матери, смывая с её щеки запёкшуюся кровь. Та морщилась от холода, но не сопротивлялась, её взгляд был пуст и устремлён куда-то вдаль, в прошлое, ко-

торое уже никогда не вернуть.

Он молча поднял свой плащ – грубый, пропахший дымом, – и накинул на себя, стараясь укутать все четыре руки. Мать, словно очнувшись, прошептала:

— Не показывай их... Никогда не показывай...

Её голос был беззвучным шелестом, но для него он значит многое.

Они шли, не поднимая глаз, прижимаясь к стенам домов. Город, чужой и безразличный, просыпался вокруг. В конце концов они нашли то, что искали, – полуразвалившуюся лачугу на отшибе, где старуха-хозяйка, не глядя на них, указала на крошечную каморку под самой крышей.

Комната пахла плесенью, бедностью и отчаянием. Именно здесь, сидя на голом полу, они впервые за долгие часы позволили себе просто отдохнуть. Они были изгоями в логове врага, и Юмико понимала: это лишь передышка. Приговор над ними всё ещё висел в воздухе, и палачи уже искали их след.

На следующее утро, с первыми лучами солнца, они снова растворились в толпе, на этот раз направляясь в порт. Воздух гудел от чужих голосов, запахов рыбы и пряностей. Мать, сжимая в потёршемся кошельке последние монеты, купила два билета на уходящий на юг корабль.

— Мы затеряемся, среди южан, в их вечной суматохе, — сказала она, больше убеждая себя, чем его.

Магацу лишь кивнул, чувствуя, как под грубой тканью

плаща сжимаются его лишние кулаки. Он увозил на юг не надежду, а пепел своего дома и холодную ярость, которая согревала его лучше любого плаща.

На корабле они с матерью устроились на корме, подальше от любопытных глаз. Семилетний Магацу смотрел на бескрайние свинцовые воды океана, чувствуя их безразличную мощь. Его детство, по сути, закончилось там, в огне. Он понимал: впереди только борьба и без его помощи мать не справится.

Обдумывая это, он прилёг и провалился в тревожный сон, полный теней и запаха гари, а где-то там стояла громадная белая фигура.

Проснувшись, он узнал, что мать, пока он спал, успела познакомиться с пожилым добродушным мужчиной по имени Дзиро, владельцем лавки специй в Акэноми. Тот, тронутый их фальшивой историей, предложил работу и кров.

Прибыв в город, они ахнули. Акэноми был не просто большим. Он был чудовищем, которое пожирало людей, перемалывало их в своей суетной утробе. И именно это давало им надежду – затеряться в этом муравейнике.

Первые дни они жили в крошечной комнатке над лавкой Дзиро, пропахшей корицей и куркумой. Со следующего же дня началась их новая жизнь. Официально работала только мать, но Магацу не мог смотреть, как она надрывается. Пока она, улыбаясь, обслуживала покупателей, он, закутанный в плащ, трудился в подсобке.

Его четыре руки оказались невероятным преимуществом – он таскал огромные тюки и ящики, справляясь за пятерых. Он старался не попадаться на глаза, но плащ не мог скрыть его лица. Вторая пара серых бездонных глаз, под его основными заставляла людей замирать на мгновение, а затем спешно отворачиваться с бормотанием или откровенной бранью.

Южане были жестоки в своей прямолинейности, но отвечать им было нельзя. Они жили здесь на птичьих правах.

Спустя три месяца им удалось скопить на крошечное жилище на окраине и переехать туда. А ещё через четыре месяца случилась беда – старика Дзиро нашли мёртвым в переулке. Официально – несчастный случай. Новый владелец без лишних слов уволил мать и продал лавку.

Отчаяние заставило её пойти на роковой шаг – занять крупную сумму у клана Куромару, известного своими ростовщическими операциями. Заняв денег, мать устроилась в другую лавку, а Магацу, понимая серьёзность положения, пошёл в порт.

В семь лет он стал грузчиком. Его четырёхрукая стать стала легендой доков, источником насмешек и суеверного страха, но он терпел. Терпел ради матери и чтобы они смогли выжить.

Так прошло три года, а жизнь превратилась в рутину унижений и каторжного труда.

Скромно отмечая его десятилетие, мать рассказала, что

познакомилась с торговцем, который предложил им перебраться на север, подальше от этой суеты и долгов.

— Там мы сможем отдохнуть, — сказала она, и в её глазах Магацу увидел проблеск надежды.

Он конечно же согласился.

Через неделю в их дверь ворвались люди, их было трое. Впереди стоял Горо, сборщик долгов из клана Куромару, мужчина с лицом, на котором навечно застыла гримаса презрения.

— Птички нашептали, что кое-кто собрался улететь, — его голос был сладок, как яд. — А сбегать с незакрытым долгом, голубка, нехорошо.

Мать, бледная как полотно, пыталась объяснить, что их не так поняли, что они сначала закроют долг. Горо, не слушая, с силой ударил её по лицу.

— Меня твои сказки не волнуют.

Для Магацу мир сузился до этого момента. Он бросился на обидчика с рёвом, но Горо был шаманом. Лёгким движением руки он отшвырнул мальчика энергетическим импульсом, отбросив его к стене.

— А гнилой плод и падаль плодит, — усмехнулся Горо, и в его руке появился кинжал из рукава.

Он не собирался их убивать. Это было бы слишком милостиво от него. Быстрым движением он нанёс ей на щёку клеймо – символ должника. А затем, с той же неспешной жестокостью, оставил порез на её животе.

Удар не был смертельной раной. Это был лишь акт глумления и скорее урок непослушным должникам.

Магацу увидел, как исказилось от боли лицо матери и услышал её тихий стон. И в его сознании что-то оборвалось. Три года унижений, страха и ярости – всё это слилось в единый бешеный поток.

Он вовсе не думал. Его тело среагировало само. Четыре руки схватили первое, что попало, – два тяжёлых мясных ножа с разделочного стола. Его два небольших рта на щеках издали рык, от которого кровь стыла в жилах.

И он тут же атаковал.

Он был вихрем из плоти и стали. Четыре руки, работающие в чудовищной синхронности, наносили удары с таких углов и с такой скоростью, с какой Горо не сталкивался никогда.

Это не было боем, лишь грязной, животной атакой.

Когда это закончилось, он стоял, тяжело дыша, над бесформенным телом. В комнате пахло кровью и смертью. Его дополнительные рта беззвучно шептали, повторяя проклятия.

Он посмотрел на свои четыре ладони, залитые багровой смесью.

Эти руки, которые всегда были его проклятием, сейчас стали его спасением.

Путь назад был окончательно отрезан.

Бонус

"Шаманы - отдельная ветвь эволюции человеческого вида. Ныне не известна причина зарождения шаманов, как и причина эволюции. Шаманы отличаются от обычных людей повышенной выносливостью, прочностью тела и сверх естественной силой."

Глава 2. Цена спасения

Тишину в разорванной лачуге внезапно пронзил голос с улицы – раздражённый и нетерпеливый:

— Горо! Сколько можно там копать? С этими нищebroдами нельзя церемониться! — второй голос, хриплый, флегматично добавил:

— Наверное, опять свою методику убеждения применяет. Сейчас закончит, и пойдём.

Лёд пронзил жилы Магацу. Они ждут прямо за дверью. Его взгляд метнулся к матери. Она, прижимая рану на животе, с ужасом смотрела на него: на ножи в его руках, на окровавленный пол и в её глазах читался приговор: «Что ты наделал?»

Мысли пронеслись вихрем, но тело уже действовало. Он сунул ножи за пояс, сорвал с вешалки грубый плащ и мгновенно оторвал от подкладки длинную полосу ткани. Не глядя на мать, почти машинально, он перевязал её рану, туго стянув окровавленную ткань рубахи. Его пальцы работали быстро и точно.

— Не..., — начала она, инстинктивно отшатнувшись.

— Молчи, — его голос прозвучал хрипло и не по-детски. В нём не было просьбы.

Он подхватил её на руки. Верхние конечности обхватили спину, нижние – под коленями. Она была лёгкой, как пу-

стой мешок, и от этого на глаза наворачивались предательские слёзы. Он грубо смахнул их плечом. Нужно избегать двери и окно – это единственный путь.

Он рванулся в подсобку, к маленькому заколоченному окну, выходящему в узкий переулок. Прижимая мать двумя руками к груди, двумя другими он с силой вышиб раму вместе с гнилыми досками. Гнилая древесина с хрустом поддалась. В тот же миг с улицы донёсся настороженный возглас:

— Слышь, а откуда этот сладкий запах?..Горо!

Магацу прыгнул в переулок, едва удерживая равновесие. Где-то сзади уже раздавались крики и звон разбиваемого стекла. Погоня началась, а позади, на полу лачуги, осталось лежать не просто тело – там оставалась его прежняя жизнь.

Он бежал, не разбирая дороги, прижимаясь к стенам. В ушах стучала кровь, а в груди пылало пламя. За спиной крики нарастали. Свистки стражников подняли на ноги весь квартал. Он видел цель – городские ворота, забитые вечерним торговым потоком. Толпа, телеги – это был идеальный шанс затеряться. Всего пару сотен шагов.

— Сынок... отпусти..., — едва слышно прошептала мать, её лицо было мертвенно-бледным. — Спасайся один...

— Нет!, — его ответ был резким. Он прижал её ещё крепче к себе, а глаза стали заплывать слезами.

Магацу нырнул в самые грязные и узкие переулки. «Собью их со следа, оторвусь в узких улицах...» – стучало в висках. И вдруг, выскочив из очередного прохода, он чуть не врезался

в того самого шамана с хриплым голосом. Тот стоял, тяжело дыша, с торжествующей ухмылкой перегораживая проход.

— Думал, мы по тем же путям будем за тобой, как щенки, бегать? Я тебя ещё с крыши приметил!

Магацу, не раздумывая, двумя руками прижал к себе мать, а двумя другими обрушил на шамана груду ящиков сбоку. Пока тот пытался выбраться, Магацу уже бежал далеко вперёд. Но едва он вылетел на следующую улицу, воздух перед ним вздрогнул. Возник второй шаман, уже заканчивающий складывать руки перед собой. Уйти не было возможности.

Магацу всей массой побежал на него и врезаясь, сбивал его с ног. Но падая, шаман успел выбросить руку. Сгусток искажённой ярко зелёной энергии, острый как бритва, со свистом пробил плечо Магацу насквозь. Горячая волна боли пронзила тело. Стиснув зубы, он подавил крик и вновь рванулся вперёд, к воротам. Уже перед ним была толпа. Он почти достиг её...

Но толпа впереди всколыхнулась и расступилась с испуганными возгласами. Погоня за спиной остановилась. Преследователи замерли в двадцати шагах, их лица выражали почтительное напряжение. Из тени под аркой медленно вышел он.

Молодой человек в безупречных тёмно-синих одеждах с белыми ремнями. Его лицо было спокойно. На поясе висели тёмный ножны, из которых выглядывала рукоять, опле-

тённая чёрной кожей. Перед Магацу предстал Нару из клана Акамо.

— Доложите, — его голос был тихим, но чётким, как гром среди ясного неба.

— Господин Нару!, — первый шаман вытянулся в струнку. — Этот уродец убил Горо!

Нару повернул голову. Его кроваво-красные глаза встретились с четырьмя глазами Магацу.

— Четырёхрукий, — произнёс он без гнева. — Отпусти женщину и сдайся. Твоё буйство окончено.

Магацу ответил низким, животным рыком, вырвавшимся из всех ртов одновременно. Он отступил к холодному камню. Ловушка захлопнулась. Нару сделал шаг вперёд. Его движения были плавными, почти ленивыми.

— Я её не отдам, — бросил он шаманам.

Магацу аккуратно опустил мать на землю и бросился в отчаянную атаку. Он выхватил два ножа, целясь в горло. И тогда Нару просто исчез. Фигура расплылась, как дымка. В следующий миг Магацу почувствовал сокрушительный удар в спину и рухнул на землю, а ножи разлетелись в разные стороны.

— Твоя ярость беспомощна, — произнёс Нару с оттенком разочарования. — Уродство, злоба - всё это лишь жалкая попытка компенсировать собственную неполноценность.

Эти слова вскрыли старую рану. Магацу поднял голову, его глаза залились багровым светом. В ушах прозвучал чу-

жой, жадный голос:

— Убей их всех и спаси её. Его нижние руки сами сложились в замок, а рты на щеках прошептали:

— Рассекающее Пламя... — замок раскрылся.

Воздух вспыхнул таким же багровым светом, как и его глаза. Десятки ели видимых раскалённых лезвий покрытые огнём разлетелись во все стороны. Стражники падали, их доспехи расходились по рваным порезам. Нару возвёл энергетический барьер перед собой, окутывая им свои руки. Лезвия разбивались о него, осыпая всё искрами. Но барьер дрогнул. Одно лезвие проскользнуло сквозь защиту... и вонзилось в тело матери Магацу.

Всё замерло. На её плече зияла глубокая обугленная рана. Она смотрела на него с леденящим душу пониманием. Она видела, во что он превратился.

— Довольно, — Нару обнажил меч на дюйм. Из ножен брызнул ослепительный холодный свет. — Ты не только урод, но и осквернитель.

— БЕГИ! СЕЙЧАС ЖЕ!, — пронзительный крик матери разбил оцепенение Магацу. Инстинкт выживания вырвался на свободу. Магацу не стал бежать к воротам — он юркнул в узкую щель дренажного канала, вонючую и тесную. Вслед полетело рассечение клинка Нару, прорезав камни, но не достав цели.

Нару провожая его глазами, не стал бросаться в погоню.

— Она ранена его же техникой!, — крикнул стражник.

Нару увидел тёмные прожилки, расплзающиеся по её шее.
— Отвести её в камеру. Выяснить всё, что она знает. И избавиться от раны.

А в это время, далеко в канализационных туннелях Мага-цу бежал, не чувствуя боли. Перед глазами стояло лицо матери. Внутри него была лишь пустота и шёпот, ставший его вечным спутником. В этой темноте, залитый стыдом и чужой кровью, он перестал быть ребёнком. Он становился живым воплощением проклятия.

Бонус

"Клан Акамо - один из древних и уважаемых кланов с многовековой историей. Под контролем клана находится один из самых больших и богатых городов королевства и юга. Последние три года Наоки Акамо, отец Нару Акамо заседает в Верховном совете шаманов. А его старший сын Нару управляет Акэноми.

Клан Акамо славится своей наследной техникой крови, которая позволяет выпускать кровь под контролем как для прямой атаки, так и для усиления прочности тела, повышения реакции, силы удара и прочим улучшениям тела шамана."

Глава 3. Жертва

Убегая по узким, петляющим улочкам Акэноми, Магацу не видел ничего, кроме размытых пятен стен. Воздух свистел в его ушах, смешиваясь с собственным прерывистым дыханием и криками погони. Он метнулся в очередной тёмный проулок, и под ногами у него внезапно возникла тьма – открытый люк, чёрная пустота, ведущая в нутро города.

Он не раздумывая, кубарем рухнул вниз, в зловонную пасть канализации.

Удар о мокрый камень отозвался во всём теле, заставив его задохнуться от боли. Но это было ничто по сравнению с тем, что обрушилось на него следом. Смрад – густой, физически осязаемый, как тухлое варево из человеческих отходов, гнили и химикатов – ударил в ноздри, обжигая слизистую и сдавливая горло спазмом. Из глаз ручьём хлынули произвольные, жгучие слёзы, смешиваясь с потом и грязью на его лице.

Он не знал, сколько бежал, спотыкаясь о скользкие камни и кости незнамо каких тварей. Тело, выжатое до предела, наконец предало его. Ноги подкосились, и он с глухим всплеском рухнул в ледяные, отвратительные сточные воды, успев лишь инстинктивно приподнять голову и перекатить своё брренное обессилившее тело, чтобы не захлебнуться.

Лёжа на спине в липкой, мутной жиже, он окинул взгляд

туда, откуда пришёл. Там, лишь беспросветная, абсолютная тьма, не рушимая ни единым лучом света. Преследователей не было слышно. Только тишина, нарушаемая мерзким бульканьем воды и отдалённым, похожим на стон, гулом города над головой.

Его одежда – некогда простая рубаша и штаны – превратилась в тяжёлые, ледяные тряпки, пропитанные насквозь потом, собственной кровью и зловонными сточными водами, вобравшими в себя всю грязь Акэноми. Каждая нитка впитывала холод и отчаяние, приковывая его к этому подземному аду тяжелее любых цепей.

Но цепь – это ведь то, за что можно и ухватиться.

Он застонал, пытаясь пошевелиться. Пробитое плечо пылало огнём. Он инстинктивно потянулся к нему верхней парой рук, в то время как нижние упёрлись в скользкое дно, пытаясь приподнять тело. Простреливающая, жгучая боль заставила его снова рухнуть в воду, захлебнувшись криком, который превратился в пузыри на поверхности.

Он лежал, тяжело дыша, ощущая, как яд энергии техники, пробившей его плечо, медленно разъедает его изнутри. Это было похоже на ржавые гвозди, ворочающиеся в ране. Но эта боль, как ни странно, и не давала ему потерять сознание. Она была якорем, цеплявшим его за реальность, не давая провалиться на дно.

— Вставай. — Шёпот был едва слышным, идущим не извне, а из самых потаённых уголков его сознания. Грубый

и такой чужой.

— Ты хочешь сгнить здесь, как ничтожная букашка?

Магацу зарычал в ответ – низким, животным звуком, вырвавшимся из всех трёх его ртов. Он снова упёрся руками, но уже всеми четырьмя – в дно. На этот раз его тело, дрожа от напряжения. Он поднялся на колени, потом на ноги, пошатываясь, как подкошенный.

Тьма была абсолютной. Но на удивление – не для него. Его вторая пара глаз, та самая, что все называли уродством, начала медленно привыкать. Они не видели света. Они видели тепло и движение. Смутные очертания тоннеля проступали в виде размытых пятен холода – камни, вода. И кое-что ещё... маленькие, юркие сгустки энергии, мелькавшие вдали. Мелкие бесы, порождения страха и отчаяния, которые чуют раненую добычу.

Один из них, похожий на расплывчатую тень с длинными когтями, метнулся к его ногам с шипением.

У Магацу не было сил увернуться. Не было сил даже на сложный удар. Но у него ещё оставалась воля к жизни.

Инстинкт сработал быстрее. Основные глаза следили за приближающейся тенью – вторая пара уже искала слабинку. Он собрал остатки сил в левые руки, а правые выставил щитом, игнорируя боль. Уродливое нечто впилося когтями в его правые руки, но не успело опомниться: левые, сложенные в единое копьё, с силой спрессованной ярости вонзились в подбрюшье его головы.

Раздался противный, хлюпающий звук. Пробив голову падшего духа и впечатав её в водосток, правой парой он сдавил, не давая вырваться, пока левая не закончила дело. Воздух тут же пропах гнилой плотью и тлением.

Магацу сидел рядом с врагом, тяжело дыша, с окровавленными руками. Впервые за этот бесконечный день ему дали дать отпор, а не бежать.

Его рты на щеках беззвучно шептали сами по себе, без его воли:

— ...Ещё...

Он посмотрел на свои четыре руки, залитые липкой тёмной субстанцией, оставшейся от падшего духа. Руки, из-за которых его презирали, только что спасли ему жизнь. В гнетущей тишине подземелья, отравленный, истекающий болью, он сделал свой первый вывод.

Моё уродство поможет мне выжить в этом аду.

Собрав волю в кулак, он поднялся и пошёл туда, откуда явилась тварь. Вода упрямо текла вперёд, словно зовя за собой. Движимый смутной надеждой, он последовал за ней, пока тоннель не вывел его в обширный сточный коллектор.

Это была квадратная комната – достаточно тесная, чтобы давить, достаточно пустая, чтобы кружилась голова. В её центре зияло круглое углубление, уходившее в непроглядную глубину, обнесённое ржавой стальной перилой. Место, забытое не только богом, но и самой надеждой. Воздух был неподвижным и спёртым, пахнущим не текущей грязью, а

вековой пылью и плесенью. Следы людей здесь стёрло не время — их поглотило само подземелье. Он прислонился спиной к шершавой, влажной стене и грузно рухнул на каменный пол.

И тут боль в плече напомнила о себе во всей полноте — уже не просто жар, а чувство, будто под кожей ворочаются раскалённые осколки стекла. Он скрипнул зубами, заставляя руки сорвать с себя остатки рубахи. То, что он увидел, заставило его сжаться изнутри: тёмные, почти чёрные прожилки расползались от раны, а от них, словно ядовитые корни, ползли багровые следы, отравляя плоть.

— Неужели вот здесь я и умру, — пронеслось из уст обжигающей волной отчаяния.

— Да. Умрёшь здесь, как собака, — прозвучал знакомый шёпот, но теперь в нём слышалась не злоба, а холодная констатация факта. — Ты думал, они оставят тебе выбор? Взять и красиво умереть?

— Заткнись... Тварь..., — выдохнул Магацу, вцепляясь пальцами в каменную крошку. Сознание плыло, но голос, ставший частью его самого, был якорем в море боли.

— Я, — это ты. Та часть, что хочет жить. А ты? Всё ещё тот ребёнок, что плачет в огне? Яд распространяется всё дальше. Следующий шаг — гниение заживо. Ты забрёл туда, где никому не нужен. Чтобы тебя достать, придётся пожертвовать куда большим, чем ты стоишь в их глазах.

Впервые у Магацу не нашлось возражений. Только тихая,

всепоглощающая ярость, которая согревала лучше любого огня. Его взгляд метнулся по сторонам, выхватывая детали. И ржавая арматура, торчащая из пола бросилась ему в глаза. Острые осколки кирпича. Решение было чудовищным, но единственным.

— Жить, — просипели рты сами по себе.

Приговор, который предстояло привести в исполнение.

...Его тело сопротивлялось, мышцы деревенели от ужаса, но воля, закалённая в горне ярости, была сильнее. Верхние руки схватили ржавый прут, торчавший из пола. Холодная, шершавая ржавчина впиалась в ладони. Нижние руки упёрлись в пол, создавая упор. Весь его мир сузился до этого обломка металла и чёрной, пульсирующей раны на плече. Он с силой вырвал прут — и в тот же миг услышал.

— Жги, — прозвучал приказ. Голос шёл из самых глубин его существа, не похожий на мысль — скорее на чужую руку, потянувшуюся изнутри. — Нашей общей силой. Я покажу тебе путь.

Впервые это был не просто шёпот. Это была вспышка памяти, ему не принадлежащей. Ощущение чужих пальцев, складывающих пальцы. Знание, как заставить энергию течь по рукам, сконцентрироваться в точке — знание, которое он никогда не изучал.

— Сожми!, — прорычал голос, и Магацу почувствовал, как его собственные мускулы напряглись послушно, будто ими управлял кто-то другой. Его левые руки с силой сдавили

арматуру. — Гони энергию! Не думай! Чувствуй сами потоки! Ты носишь в себе силы, — теперь используй их!

Магацу застонал. Это было невыносимо. Сквозь боль в плече он почувствовал, как по его рукам пробежала волна жгучего холода, а затем — мучительный жар. Энергия, дикая и неконтролируемая, хлестнула из него, как удар бича. Ржавый прут в его руках на мгновение вспыхнул ослепительным багровым светом, и металл под пальцами взвыл, раскаляясь докрасна за секунду.

Боль была двойной: от ожога на ладонях и от этого чужеродного, могучего потока, разрывавшего его изнутри.

— СЕЙЧАС!, — прозвучал в его голове триумфальный рёв.

Он не думал. Инстинкт, подстёгнутый чужим знанием, заставил его двинуться. Перехватившись, он с силой вонзил раскалённый конец арматуры прямо в центр почерневшей плоти.

Раздался шипящий звук, похожий на то, как раскалённый металл опускают в воду. Но это была не вода — это была его плоть. В нос ударил тошнотворный, сладковатый запах горелого мяса. Боль, острая и всепоглощающая, белой молнией пронзила мозг, выжигая из него все мысли, весь страх, всё, кроме чистого, животного ощущения:

— Я НЕ СОБИРАЮСЬ ПОДЫХАТЬ ЗДЕСЬ.

Воздух вырвался из его ртов тихим, прерывистым рыком. Слёзы ручьём потекли из его глаз, в то время как вторые

продолжали бесстрастно наблюдать, будто фиксируя эксперимент. Его тело билось в конвульсиях, но все четыре руки, работая в жуткой синхронности, удерживали его – две держали прут, две не давали ему упасть.

Когда он наконец оторвал арматуру, от раны поднимался лёгкий дымок. Чёрные прожилки вокруг неё побелели, будто выжженные. Яд был остановлен, ценой мучительной боли.

Он отполз от этого места, оставив на полу окровавленный прут, и снова рухнул – уже не в изнеможении, а в некоем подобии транса. Боль не утихла. Она стала другой – глухим, тлеющим углём, вокруг которого теперь собиралась его сила.

Он посмотрел на обугленную рану. Потом на свои четыре руки. Они дрожали, но были послушны.

— Видишь?, — прозвучало изнутри, и впервые в этом го-
лосе слышалось нечто, отдалённо напоминающее удовлетво-
рение. — Боль — это просто инструмент. А твоё тело — все-
го лишь глина из которой, ты начал лепить себя заново.

Сознание возвращалось к нему медленно, будто всплывая со дна озера. Острая, рвущая разум боль ушла, сменившись глухим, тлеющим жаром в плече – словно под кожей всё ещё горел раскалённый уголёк. Он пошевелился и ощутил странное, непривычное чувство – зуд. Зуд живой плоти, срастающейся с неестественной, почти пугающей скоростью. Его основным глазам было не разглядеть в кромешной тьме, но вторая пара ясно видела, как по краям чёрной, обугленной раны пляшут сгустки багровой энергии, стягивая их воеди-

но.

Он заставил себя подняться, прислонившись спиной к шершавой, мокрой стене. Его взгляды — оба — медленно скользили по новому владению. Зброшенный коллектор. Склеп, где похоронены надежды большого города.

Нужно было выжить здесь.

Его дополнительные глаза, работая независимо, сканировали пространство. Вот — слабый, чистый поток, сочащийся по старой кладке. Вода, но не та зловонная жижа, что текла по центру, а почти прозрачная. Он подполз к источнику, сложил все четыре ладони в подобие чаши и зачерпнул. Вода была ледяной и отдавала железом, но для его пересохшего горла оказалась нектаром.

Затем — тусклое, желтоватое свечение в трещине. Грибы. Неприглядные, кожистые наросты, но его зрение видело их слабую, жизнеспособную ауру. Он сорвал один и разломил его. Пахло землёй и плесенью. Запихал в рот и стал жевать — движения механические, но в них уже было животного отчаяния. Был холодный, ясный расчёт.

— Чувствуешь?, — голос прозвучал не как удар извне, а как мысль, рождённая в самой глубине его черепа. Но окраска её была ещё чужой. — Нашу плоть. Чувствуешь, как она помнит себя? Как стремится к целостности, с которой не сравниться жалкой биологии тех, кто снаружи.»

Магацу не ответил сразу. Он проглотил безвкусную мякоть, ощущая, как слабый прилив энергии разливается по

измождённом телу. Голос был прав. Он заживал со скоростью, невозможной для обычного человека или шамана.

— Почему?, — наконец выдохнул он, и его собственный голос прозвучал хрипло и непривычно громко в гробовой тишине. — Почему ты помогаешь мне?

Пауза была настолько долгой, что он уже подумал, что голос исчез. Но потом он снова зазвучал – и в нём впервые появилось нечто, отдалённо напоминающее любопытство.

— Ты впервые задал вопрос. Раньше ты только слушал и подчинялся. — Следом ещё пауза. — Я помогаю, потому что это наше общее тело. Ты десять лет распоряжался им один, как умел. Позволял другим ломать его. Теперь пришла моя очередь. Ты — сосуд, плоть, рычаг к действию. Я — знание, огонь, что движет этим рычагом. Гибель сосуда — гибель пламени. Наша судьба сплетена в один клубок. Ненавись меня, принимай — но смирись: мы друг без друга теперь лишь половины. И половины эти обречены на гибель.

Магацу молча смотрел на свои четыре руки, сжимая и разжимая кулаки. Он не ненавидел этот голос в тот миг. Он изучал его. Как изучал потоки воды и съедобные грибы. Это был просто ещё один ресурс в этом подземном аду. Но был он самым ценным.

Чувство сытости от грубой пищи было обманчивым и мимолётным. Пустота в желудке утихла, но её сменила другая, куда более опасная пустота – истощение энергии. Та самая сила, что затягивала его рану, теперь иссякала, оставляя по-

сле себя лишь хрупкую оболочку, дрожащую от слабости. Он был подобен пожару, что ярко вспыхнул и вот-вот должен был погаснуть.

Именно эта уязвимость заострила его новое зрение до болевого предела. Теперь он видел не просто угрозы. Он видел ресурс. На периферии восприятия, в сумраке тоннелей, мелькали холодные, мерцающие пятна – не просто тени, а сгустки чужой, но столь желанной силы.

— Они, — топливо для пламени, что ты носил в себе, даже не подозревая, — прозвучало изнутри, лишённое всякой эмоции. — Голод, — это твой поводок. Иди и утоли его.

Магацу не стал ждать, пока слабость перерастёт в немоть. Он поднялся. Его движение было уже не походкой изгоя, а выверенным, бесшумным скольжением хищника, рождённого в каменных джунглях. Хищник вышел на охоту и это стало его промыслом.

Он стал приманкой и капканом в одном лице. Прижавшись спиной к нише, он затихал, позволяя своей истощённой, «вкусной» для них сущности привлечь очередного духа. А когда тот, ведомый простым инстинктом, подбирался достаточно близко, из темноты обрушивался четырёхрукий кошмар.

Не было мастерства, не было изящества. Вторая пара глаз отслеживала траекторию, пока основные сохраняли неподвижность. Верхние руки хватали, душили, впивались когтями, а нижние в это время уже складывались. Он не просто

убивал их. Он разрывал их сущность, заставляя энергию выплеснуться наружу, и тут же, с жадностью утопающего, втягивал её в себя.

Это было отвратительно. С каждым поглощённым сгустком его нутро сжималось от спазма, по телу пробегала судорога, а на языке вставал вкус горечи, чужих страхов и эмоций. Это было грязно, жестоко и примитивно, но действительно и это работало.

С каждой такой трапезой обугленная рана на плече сжималась ещё на миллиметр, покрываясь свежей, розовой кожей. Слабость отступала, сменяясь неестественной, дрожащей бодростью. Но главное – менялся его взгляд. Ярость в его четырёх глазах не утихала. Она только затачивалась. Из бессильного отчаяния превращалась в холодное, острое лезвие голода. Голода по большому.

Так прошли дни – или недели, он не считал. Охота. Еда. Сон. Слухи о «подземном демоне» среди мелкой нечисти росли, как плесень во тьме, и уже просачивались наверх, в мир солнца. Страх перед ним становился осязаемым. Даже примитивные духи начали избегать его участка тоннелей. Магацу заметил это. И впервые за всё время на его лице, искажённом шрамами, появилось нечто, отдалённо напоминающее ухмылку. Он учился не просто выживать, а доминировать в своей маленькой части ада.

Но всякому пиру приходит конец.

В один из дней, вернувшись с охоты, он застал своё логово

неестественно пустым, вымершим. Тишина здесь была иной – густой, выжидающей, налитой свинцом. Воздух тяжелел с каждым вдохом. Его вторая пара глаз уловила след – не мелкий и юркий, а тяжёлый, вязкий, будто кто-то протащил по камням тушу, испускающую волны почти физического давления. Что-то большое и сильное искало его здесь.

— Почувствовал..., — прозвучало изнутри настороженно, без оттенка превосходства. — Это далеко не добыча. А самый настоящий соперник.

Магацу понял. Его постоянные охоты не прошли незамеченными. Он нарушил хрупкий баланс подземелья и потревожил того, кто поддерживал в нём порядок.

Из тени в дальнем проходе тоннеля выплыло, переливаясь скользкими мускулами, Оно. Не бесформенная тень – нечто с ужасающей, чёткой анатомией. Двухголовый исполин на четырёх мощных, как колонны, ногах. Из обеих пастей стекала ядовитая слюна, разъедающая камень.

— Чёрт... Это не наш уровень, — пронеслась чужая мысль, полная трезвой оценки. — Он уже не просто охотится. Он умеет мыслить.

Исполин двинулся вперёд. Каждый его шаг отдавался в камнях глухим ударом. Прежде чем Магацу среагировал, одна из голов изрыгнула сноп острых, костяных шипов.

Магацу едва успел отпрыгнуть, но один из шипов с хрустом пробил ему плечо – то самое, зажившее – и пригвоздил к стене. Агония, в десять раз острее прежней, пронзила его.

С рёвом вырвав шип, он рванулся вперёд, петляя, уворачиваясь от новых выстрелов. Ярость, знакомая и спасительная, закипала в нём вновь.

Он оттолкнулся от стены, запрыгнул на спину твари, пытаясь дезориентировать её. Скользнул по спине и вогнал налитанный отрицательной энергией кулак в основание правой головы пробив насквозь. На миг ему показалось, что он нашёл слабинку.

Исполин взревел с новой силой. Швырнув Магацу в сторону и тут же отпрянул назад, намеренно освобождая проход.

Магацу не понял сразу. Сделал шаг вперёд – и в тот же миг что-то обрушилось на него из темноты сзади. Шип пробил грудь насквозь. Он не видел, кто ударил. Только почувствовал, как ноги перестали держать.

— Поднимайся, идиот! Нельзя дать ему уйти!, — прорычало изнутри, и в этом голосе слышалась уже не ярость, а паника.

Магацу с трудом выдернул шип и бросился за двухголовым, что убежал в темноту за угол. Но в голове стоял гул, помутнение пожирало волю. И только забегая за угол... Удар.

Четырёхметровый одноглазый гигант – серый, перекачанный, с древней ржавой колонной в руках – ждал его здесь. Двухголовый был лишь приманкой. Это была явная засада.

На огромной скорости Магацу влетел в стену, проламывая её собой, оказался уже в другом тоннеле – с раздроблён-

ным плечом, переломанной грудной клеткой и напрочь отключённым сознанием.

Бонус

"Способность Магацу поглощать энергию падших духов является запретной и невозможной, так как даже для шаманов такое поглощение смертельно. Психика шаманов не выдерживает весь спектр ужаса и гнили, который переносит в себе падший дух. Совместимость Магацу обусловлена лишь тем, что он является аномалией, тело которой успевает подстроиться быстрее, чем эта энергия убьёт его.

Падшие духи - это существа, появление которых является исключительным следствием бытия человечества, не планировавшего их создавать. Весь спектр негативных эмоций, который изливается из человека, скапливается в одну единую субстанцию, которая начинает принимать физическую оболочку, а также становится способной к поглощению недавно погибшей души, не нашедшей покоя. Падшие духи способны накапливать в себе силы и эволюционировать от самых низших форм до катастрофической опасности, но сам процесс занимает много времени и зависит от количества поглощённой энергии."

Глава 4. Ключи от клетки

Сознание возвращалось обрывками, каждый раз разбиваясь о стену. Мир состоял из двух вещей: всепоглощающей тьмы и агонии, разрывавшей тело изнутри. Тело Магацу волочилось за ногу по шершавым каменным плитам, оставляя за собой кровавую полосу, в которой смешивались грязь, сточные воды и его собственная жизнь. Пробитое плечо пылало огнём, но дыра в груди была ещё хуже – там царил леденящий холод, с каждым вздохом отдававшийся осколочной болью в раздроблённых рёбрах. Спина была разодрана в клочья, а голова раскалывалась, будто её намеренно колотили о камень. Что, вероятно, и происходило.

В перерывах между провалами в небытие мелькали вспышки – не воспоминания, а искажённые галлюцинации, порождённые болью и страхом: искажённые лица стражников, пламя, в котором он когда-то горел, истерический смех, который, казалось, исходил не от него, а от самого подземелья, впитавшего века отчаяния. Но очередной жёсткий рывок, за которым последовал глухой удар головой о выступ, отбросил его обратно в бездну.

Глаза открылись вновь от жуткой, пульсирующей боли, собравшейся в висках. Всё тело ныло, протестуя против самого факта существования. Сквозь мутную пелену перед глазами проплывали размытые очертания камней. Но среди

бесчисленного потока энергии, окружавшей его, выбивался один – огромный, чёткий, яркий источник иного уровня. Он попытался поднять голову – мучительное, почти невозможное усилие, а перед ним.

Тот самый, серый и одноглазый, который обрушил на него колонну. Монстр держал его на весу, сжав в огромной, покрытой шрамами и наплывами мускулов лапе. Но держал не за тело – а за длинные, чёрные волосы Магацу, в которых проглядывали серые пряди, накрученные на здоровенном кулаке гиганта. За которые, тянули как мешок с падалью.

И где-то в глубине, под толщей боли и унижения, шевельнулось что-то чужое. Холодное и яростное.

Давление сменилось. Густая, давящая мгла расступилась, отступив перед агрессивным багровым сиянием. Внезапно вспыхнувшие факелы выхватили из тьмы пространство, подавляющее своим масштабом и смыслом. Тронный зал.

И на огромном, сколоченном из ржавых балок и костяных шипов троне, откинувшись назад, восседал Он.

Поза была нарочито небрежной – поза владыки, для которого происходящее является развлечением. Нога закинута на ногу. Локоть левой руки, опирающийся на колено, поддерживал тяжёлую, мохнатую голову крысиного короля. Длинный, пожелтевший клык торчал из искривлённой пасти, и по нему, словно по желобку, медленно стекала густая багрово-красная жидкость, капая на каменный пол с тихим,

мерзким плюхом. Правая же рука с длинными, острыми как бритва когтями лениво поскрёбывала подлокотник, издавая звук, от которого хотелось стиснуть зубы.

Но главными были глаза. Блестящие, как чёрный агат. И они, не мигая, были направлены на Магацу. В них не было ярости духа. В них был холодный, расчётливый, нечеловеческий интерес.

Голос, когда он заговорил, был не громовым рёвом, а скрипучим, многоголосым шёпотом, будто десятки существ говорили в унисон, проскальзывая между камнями прямо в сознание.

— Так вот он, — проскрипел Король, слегка склонив голову набок. — Чертёнок, что развлекался в моём подземном царстве. Шумел и портил аппетит моим слугам.

Он сделал паузу, дав каждому слову врезаться в дымящееся от боли сознание Магацу.

— Я следил за твоими... успехами. Низшие... средние... даже два высших, ты и им дал достойный бой. Любопытно.»

Гигант-слуга с глухим ворчанием встряхнул тело Магацу, дабы тот пришёл в себя перед троном.

А в глубине, под грудой сломанных костей и разорванной плоти, то холодное и яростное шевельнулось снова, сильнее. Прислушиваясь к происходящему.

— Ты выжил здесь. Многие не выживают даже от взгляда моего слуги. В тебе есть... потенциал. Жаль, что тратишь его на жалкое существование здесь.

— Твоя воля к жизни впечатляет. Как и твоя природа... Чудовище, прячущееся в человеческой оболочке. Ты носишь в себе иной голод, нежели эти твари.

Король провёл когтем по подлокотнику, и искры посыпались на пол.

— Мы могли бы друг друга дополнить. Ты ищешь силу для мести. — Резко оборвав паузу, он продолжил: — Я знаю, кем ты был наверху. Знаю, что они с тобой сделали. Знаю, где твоя мать. И знаю, что мечтаешь их всех растерзать.

Он медленно приподнялся с трона, и его тень накрыла Магацу.

— Я могу дать тебе силу для свершения твоей цели. Взамен... ты поможешь мне снять одну-две назойливые помехи. А теперь, — подними голову.

Приказ прозвучал, но с такой непререкаемой силой, что воздух затрещал.

— Ты будешь смотреть на меня не как жалкий мешок, чьё тело волочат по зловонным каналам. Если ты и правда хоть наполовину тот боец, за которого я тебя принял, — покажи мне это или умри.

Приказ завис в спёртом воздухе, тяжёлый и неумолимый, как плита. Мысль – Встань – ударила в сознание Магацу, но не зажгла в нём огня. Она наткнулась на пустоту. Пустоту, заполненную только отражённой, эхом раздающейся болью, осколками воли и леденящим знанием: тело его не слушается.

Разорванные мышцы не ответили. Раздроблённые суставы не скрипнули. Он безвольно болтался в руке гиганта, и эта неподвижность была красноречивее любого крика. Он был тем самым жалким мешком — и взгляд Крысиного короля лишь запечатывал эту истину в него, как клеймо.

Где-то в глубине, в самой сердцевине этого провала, что-то сдвинулось вновь.

Это был не голос и не мысль, а ярчайшая вспышка.

Он оказался внутри себя. Не в теле — а в чём-то ином, цельном и сильном. В белой бескрайней пустоте был зелёный островок, над которым возвышался величественный дуб. И рядом с ним стоял Он.

Фигура, похожая на него, но старше. Человек исполинского роста — явно больше двух метров. Жёсткие черты лица, глаза — две бездонных ямы, в которых горел огонь, но сам он был холоден. Это был не голос из темноты. Это была живая сущность.

Магацу поднялся и инстинктивно встал в стойку. Но угол обзора был непривычным — более узким, и в стойке не хватало второй пары рук.

— В этом месте каждая душа предстаёт в своём перво-
зданном виде, — произнёс Брат, не оборачиваясь. — Именно так ты бы и выглядел, если бы не тот эксперимент.»

Он повернулся. Его взгляд прошёлся по Магацу — быстро, как по инвентарю.

— Смотри на себя. Если ты сейчас не встанешь там, сна-

ружи — ты сгниёшь у всех этих ничтожных тварей на глазах. И твоя мать умрёт, думая, что её сын был странным ничтожеством.

— Но я не могу, — мысль Магацу была слабым всплеском ярости.

— Ты, — не можешь. А я — могу. — Брат сделал шаг вперёд. Голос его был ровным, без злобы. — Ты десять лет был хозяином нашего тела. Не по праву, — по случайности. И сейчас, когда даже встать не способен, эта случайность обнажилась. Тюрьма сломлена. Дай же мне ключи — чтобы мы не подошли здесь из-за твоей слабости. Если ты принял смерть, я к этому не готов. Выбирай: или ты соберёшь дух в кулак, или отдай мне контроль — и я решу всё сам.

Не было времени на выбор. Был лишь поглощающий стыд от собственной немощи и древний, первобытный инстинкт выживания, сильнее страха, сильнее боли, сильнее его самого.

Магацу не отпустил контроль. Контроль просто кончился — как кончается воздух. Последнее, что он успел почувствовать: не боль и не страх, а странную, почти постыдную лёгкость — будто он нёс что-то очень тяжёлое и наконец разжал пальцы. Потом — темнота. Но вернулось уже нечто иное

Тело, намотанное на руку громилы, дёрнулось. Не мучительной судорогой, а резким, отрывистым движением, как захлопнувшаяся челюсть капкана. Глаза Магацу закатились, и на миг в зрачках вспыхнуло багровое отражение.

А потом оно вышло.

Движение было неестественным и пугающе цельным. Раздробленные кости в плече и грудной клетке заскрежетали, смещаясь и срастаясь с хрустом, от которого скулы свело даже у бесчувственного гиганта-стража. Это было насильственное перекраивание плоти, приведение её в рабочее состояние силой чужеродной воли.

Гигант, державший его, глухо взревел от неожиданности и инстинктивно сжал кулак, в котором были зажаты волосы.

И тогда это новое существо в теле Магацу, ломая инерцию, повернуло голову. Взгляд его основных глаз был пуст и стеклянен. Но вторая пара, расположенная чуть ниже, смотрела. Смотрела прямо на руку гиганта.

Правая рука сложилась в подобие клинка и взметнулась молниеносно. Пальцы впились в запястье гиганта с такой силой, что кожа и мускулы хрустнули. Выкручивая и разрывая ткани, нижняя пара рук сложила пальцы буквой V. Верхние руки нашли рычаг и дожали.

Раздался звук, влажный хруст, как от переламывания зелёной ветки. Рука гиганта отпала в локтевом суставе, грохнувшись на каменный пол – кости вырваны наружу окровавленными сколами. Чёрная, густая кровь хлестнула на камень. Гигант отшатнулся с оглушительным рёвом боли.

Теперь существо стояло свободно. С высоко поднятой головой оно смотрело на крысиного короля. Его движения были резкими, экономными, лишёнными малейшего намёка на

боль.

Король уже не сидел, развалившись небрежно. Он сидел прямо. Его глаза были прикованы к происходящему. В них мелькнуло нечто – не страх, скорее острая, жадная оценка.

Существо в теле Магацу шагнуло вперёд. Каждый его шаг отдавался в камнях глухим, нарастающим гулом, будто тяжесть всей подземной тени давила за ним. По мере его наступления ногти на его четырёх руках начали расти – не быстро, но неотвратно. Удлиняясь, заостряясь, превращаясь в тонкие прямые лезвия, отливающие красным.

Оно не издало ни звука. Просто исчезло с места в сгустке искажённого воздуха – и появилось прямо перед тронном, в обоняемом расстоянии от Короля.

Движение рук взметнулось в молчаливом, смертоносном взмахе. Целью была не голова, не грудь, а горло.

Острые, как бритва, когти остановились в миллиметре от покрытой редкой шерстью кожи, слегка вдавившись в неё. Холодные, как сталь, они коснулись пульсирующей артерии Демона. Пустив редкие капли густой багровой крови.

И вот тогда, наконец, оно заговорило. Голос шёл из глотки Магацу, но это был не его хрип, не его тембр. Это был низкий, вибрирующий шёпот, в котором скрежетали камни и шелестели крысиные стаи.

— Прежде чем убить, — прошипело существо, — ты посмотришь, как я каждого твоего слугу уничтожу.

В зале повисла тишина, нарушаемая только тяжёлым ды-

ханием покалеченного гиганта и тихим, ядовитым смешком, который, казалось, исходил от самого трона.

Король не отпрянул. Он медленно, очень медленно, наклонил голову, чувствуя остриё у своей глотки. И в его глазах вспыхнул не гнев, а интерес, переходящий в нечто похожее на удовлетворение.

— Вот теперь, — выдохнул Король своим скрипучим шёпотом, — мы можем говорить.

Тишина в тронном зале была густой, тягучей, как неостывшая смола. Её нарушали лишь прерывистые хрипы покалеченного гиганта и тихое потрескивание факелов. Остриё когтя по-прежнему касалось шеи Короля.

Король не отводил взгляда от стеклянных глаз Магацу. Вернее — от того, что теперь смотрело из них.

— Интересная метаморфоза, — проскрипел он, и в его многоголосом шёпоте слышался неприкрытый интерес. — Ребёнок-жертва исчез. А на его месте... что-то куда более страшное.

Существо в теле Магацу не ответило. Оно просто давило чуть сильнее. По тонкой коже на шее Короля выступила капля той же багровой жидкости, что сочилась с его клыка.

— Прямолинейность, — ценное качество в этих стенах», — продолжал Король, будто не замечая боли. — Ты хочешь выжить. Получить силу. И, вероятно, растерзать тех, кто сюда вас закинул. Я угадал?

— Говори короче, — прорычал голос из груди Магацу.

Звук был низким, вибрирующим, лишённым какой-либо человеческой теплоты. — Или я начну с твоих стражей, а закончу твоим черепом.»

Король тихо, ядовито хихикнул.

— Видишь ли, у нас есть общая проблема. Вернее, серия проблем. — Он медленно, чтобы не спровоцировать резкого движения, поднял одну когтистую лапу и провёл ею по воздуху. В пространстве перед троном вспыхнули тусклые, болезненные на вид символы», — искажённые печати, проступавшие сквозь ткань самой реальности. — Эти структуры. Они как занозы в теле моего царства. Сковывают потоки энергии, дают на волю, уродуют естественный порядок. Для духа они непреодолимы. Но для существа, которое носит в себе отголоски человека... и нечто большее... они, — всего лишь замки. А твой особый аппетит, твоя воля — могут быть отмычкой.

Существо наклонило голову, изучая всплывшие образы. В его взгляде промелькнуло холодное, расчётливое понимание.

— Я чувствую их..

— Именно, — кивнул Король. — Их поставили те же, кто сломал вас. Кто заточил меня здесь. Мы оба, узники, просто в разных камерах. Ты хочешь выбраться? Я могу указать путь. Но сначала — наведите порядок в моём доме. Нейтрализуйте эти помехи. А взамен... — Он сделал паузу, вкладывая в тишину весь вес обещания. — Я дам вам то, чего не

найдёте, рыская по этим тоннелям. Я знаю каждый камень Акэноми. Знаю расписание стражи, их слабые места, потайные ходы. Знаю, в какой именно камере подземной тюрьмы томится женщина с пепельными волосами и глазами цвета грозового неба.»

В теле Магацу что-то дёрнулось. Отзвук чужой, но жгучей боли.

— Восстанови его, — мягко, почти ласково продолжил Король, глядя в пустые глаза. — Научи его не бояться своей природы. А я научу вас, как снять эти замки. Вы получите свою месть. Я получу долгожданное облегчение. Звучит справедливо?

Брат медленно отвёл коготь от горла Короля. Его верхние руки опустились, но ногти-лезвия не укоротились ни на миллиметр.

— Где ближайшая?, — спросил он без предисловий.

Уголок пасти Короля дрогнул в подобии улыбки.

— На восточном рубеже, в Старом Коллекторе. Но спешить некуда. Сначала тебе нужно стать целым. Ты трансформировал тело и залечил самые опасные повреждения, — но всё ещё смертельно ранен. Плоть держится из последних сил.» — Он жестом указал куда-то в темноту за троном. — Восстанови силы. Питайся. А когда будешь готов... мы начнём.»

Существо обернулось и, не сказав более ни слова, направилось прочь из тронного зала, оставляя за собой кровавый

след и впечатанный в камень ужас. Его шаги были твёрдыми, но в них чувствовалась злая напряжённость – энергия, добытая ценой сломанной воли, а не отдыха.

Король снова откинулся на троне. Он поднёс палец к глазам, разглядывая тёмную жидкость, выступившую на шее.

— Да, — прошипел он в пустоту, полную слушающей тьмы. — Начинается.

Существо вышло в знакомые, зловонные тоннели. Информация о матери ударила в спящее сознание Магацу, как раскалённый гвоздь, но Брат подавил эту вспышку, как ненужный шум. Холодные, прагматичные мысли – лишённые каких-либо моральных рамок – обратились к тому, что лежало над этим миром.

Город. Люди. Это всё - фабрика страха, ненависти и боли. Их эмоции были концентрированными, чистыми, мощными. За одну ночь в их среде можно было собрать больше энергии, чем за месяц в этой подземной помойке.

Это был акт жестокости в человеческом понимании. Брат направился к одному из забытых стоков, что, согласно маршрутам, изученным в блужданиях по тоннелям, вёл к поверхности – в трущобный район Акэноми, где страх был таким же обыденным, как грязь под ногтями.

Глубокой ночью, из полуразрушенного колодца во дворе-помойке вынырнула тень. Она была нечёткой, дрожащей, но движущейся с пугающей целеустремлённостью. Воздух здесь был другим – холодным, свежим, отравленным запаха-

ми жизни, а не разложения.

Существо в теле Магацу замерло, анализируя пространство. Его дополнительные глаза видели тепловые следы спящих тел за стенами лачуг, сгустки тревоги в сознании бодрствующих стражников, тусклое свечение усталой ненависти и страха, пропитавшее эти камни.

Оно чувствовало ресурс.

Мутации, вызванные его контролем, видоизменили тело. Магацу был не по возрасту высок – больше ста семидесяти, с плечами и рельефными, переплетёнными жилами мускул, которые казались высеченными из камня. Его тело, покрытое свежими и старыми шрамами, будто излучало собственный тусклый багровый свет, контрастирующий с темнотой улицы. Он стоял босой, в одних порванных серых штанах с голым торсом, по которому струились чёрные потоки засохшей грязи и свежей, его собственной, крови.

Оглядевшись, сущность заметила паб в этом районе, где частенько отдыхала стража из ночного патруля. Существо сориентировалось без колебаний.

«Кричальня» – кривая вывеска изображала рот в немом вопле. Из-под двери лился тусклый свет, гул голосов и запах дешёвого пойла, пота и дыма. Обычная человеческая скотобойня эмоций. Идеальное место.

Брат медленно открыл дверь и вошёл.

Жизнь в пабе остановилась.

Десяток пар глаз – подвыпивших, усталых, злых – уста-

вились на это немыслимое явление в дверном проёме. Гул смолк, сменившись гробовой тишиной, в которой было слышно лишь потрескивание в камине.

Один из стражников пошатываясь поднялся.

— Эй, урод! Кто тебя пустил? Или ты... — Он не договорил.

Брат двинулся – исчезнув с места одним толчком ноги и появившись уже в центре зала. Воздух хлопнул, как от взрыва, опрокинув кружки со столов.

Он стал первой жертвой. Нижние руки сложились: левая указывала на мужчину, а правая когтистая ладонь исполнила жест двумя пальцами – острые, как бритвы, ногти прочертили в воздухе тонкую, почти невидимую линию. Стражник замер. На его горле проступила алая ниточка, которая через секунду разверзлась хлещущим фонтаном. Страх ударил в воздух – густой, сладковатый, почти осязаемый. Чудовище впитало его через поры кожи, и раны на его теле заструились тёмным светом.

Началось.

Кто-то стал кричать. Кто-то рванул за оружием. Кто-то замер в параличе. Брат не дрался – он проводил сбор урожая. Одного за другим.

Его четыре руки работали в безупречной, жуткой гармонии. Верхняя левая заблокировала удар топором – ногти впились в дерево, и гнилая древесина рассыпалась трухой. Нижняя правая в тот же миг полоснула по животу нападав-

шего, выпустив наружу синюшные кишки.

Он не просто убивал. Он творил ужас. Каждое движение было рассчитано на максимальную боль, максимальное унижение, на предельный выброс адреналина и отчаяния.

Одному он вырвал язык, прежде чем перерезать глотку, чтобы тот умер в собственной тишине. Другому – медленно, почти ласково – выдавил глазные яблоки, позволив тому несколько секунд слепо метаться, натываясь на трупы.

К третьему, самому молодому, который плакал, прижимаясь к стене, он просто обернулся и посмотрел всеми четырьмя глазами. Насладившись чистым, животным ужасом юноши, Брат ощутил прилив сил: превосходство над теми, кто считал его мусором и это его пьянило. Он подхватил парня за челюсть левой рукой. В этом хаосе время будто замерло. Существо в теле Магацу прошипело: – «Я помогу тебе сдохнуть поскорее».

Он вскинул руку, и с нечеловеческой мощью запустил парня вверх. Тело пробило два этажа и вылетело выше крыши. Отвернувшись, Брат коротко бросил: – Схлопнись.

В тот же миг с неба пошёл кровавый дождь. Пальцы впечатали в плоть в момент броска, сетку лезвий, что сошлись в центре. Тело юноши превратилось в облако брызг и обрывков прямо в воздухе.

Энергия лилась рекой. Она впивалась в него, как иглы, сжигала изнутри, плавя остатки человеческого. Шрамы затягивались на глазах, покрываясь гладкой, неестественно блед-

ной кожей. Мышцы уплотнялись, кости звенели, как сталь. Он чувствовал, как сила пульсирует в четырёх руках, требуя нового выхода.

Последний выживший – хозяин заведения, толстяк с седыми усами – молился за стойкой, обливаясь мочой. Брат подошёл к нему не торопясь.

— «Н... нет...» — простонал тот.

Брат наклонился. Его человеческие глаза были пусты, но те, что ниже, изучали трясущуюся массу плоти с холодным любопытством.

— «Твой страх... самый вкусный» — проскрипел чужой голос.

Он не стал убивать его быстро. Прикоснувшись ладонью ко лбу человека, он спокойно выдохнул:

— «Умри».

Он чувствовал всё: страх, память, саму жизнь жертвы. Тело хозяина обмякло, превратившись в пустой мешок с овощным выражением лица – живое, но мёртвое внутри.

— «Я закончу твои страдания».

Два пальца с силой вошли в лобную кость. Глаза человека лопнули, истекая алой кровью, а мозг мгновенно превратился в кашу.

И вдруг... Тишина.

Паб «Кричальня» больше не кричал. Он хрипел, хлюпал, истекал.

Пол был залит липкой, тёплой массой, в которой плавали

обрывки тел и опилки. Стены – расписаны веерными брызгами крови. В воздухе стоял металлический запах смерти, смешанный с дымом и испражнениями.

Чудовище стояло посреди этого ада. Его тело было целым. Сильным. Налитым чужой болью, как заполненный сосуд ядом.

Оно повернулось и вышло в рассветные сумерки, оставляя за собой открытую дверь и молчаливый памятник ужасу.

К рассвету – полностью напивавшись энергией и восстановив тело до пределов, которых оно не знало никогда, а следом, он скользнул обратно в колодец.

Он был сытым, цельным, опасным. И в глубине, в тёмных водах сознания, Магацу – тот, кто был заточён внутри и своими глазами видел весь тот ужас, но не мог его остановить, постепенно, с разрешения Брата, стал пробуждаться. Пробуждаться в теле, восстановленном ценой боли и жизни тридцати незнакомых людей.

Он открыл глаза.

В знакомом мраке своего логова в тоннелях. Но теперь этот мрак был другим. Он чувствовал каждую трещину в камне на расстоянии. Слышал шёпот воды за три поворота. Тело было целым, сильным, полным чужой энергии.

И первое, что он ощутил, была не радость выживания. А тихий, леденящий вопль где-то в глубине своей души. Вопль, на который тут же откликнулся знакомый, холодный шёпот.

— Добро пожаловать обратно, — сказал Брат. — Теперь мы можем поговорить.»

Глава 5. Первая печать

Слова Куромы повисли в темноте, но ответа не последовало. Магацу не мог говорить. Он мог только чувствовать.

Он чувствовал каждую мышцу, каждое сухожилие в этом новом, цельном теле – и каждую из них будто обволакивала липкая, чужая плёнка воспоминаний. Вкус железа на языке. Звук хруста – не своих костей, а костей тех, кто там был. Его собственная грудь вздымалась в идеальном, ровном ритме, а внутри... внутри была пустота, которую не могли заполнить ни сила, ни целостность.

— Ты жив, — произнёс он, и в его голосе не было ни злобства, ни сочувствия. — Это единственный факт, который имеет значение сейчас. Всё остальное — шум.

— Шум?

Магацу поднял взгляд в темноту над головой. Слово само по себе было несложным, но оно прорвало что-то внутри.

— Ты превратил меня в монстра. Ты убил там всех, не пощадив никого. — крик раздался оглушительным эхом по тоннелям и тут же иссяк, потому что тоннели равнодушны к крику.

— Это моё тело. А ты ведёшь себя как старший брат, которому всё позволено. Я даже имени твоего не знаю. А ты моими руками три десятка людей убил.

А в ответ тишина. Убийственная и ровная.

— А ведь ещё месяц назад у меня было всё. Мама, дом, работа. Мы бы переехали и зажили нормально. А теперь это. — голос Магацу сорвался, но он не остановился. — ТЫ — моя главная проблема.

Пауза, а за ней — спокойный, чёткий и рассудительный голос.

— Ты потерял мать из-за собственной немощи. Ты не смог её спасти и только ты. Она сидит в сырой камере из-за тебя, не из-за меня.

Магацу открыл рот — и не нашёл слов.

— Твоя нормальная жизнь? Лачуга три на три, вонь бедности, которую не скрыть. Мать, что сгибалась в три погибели, чтобы наскрести на хлеб для уроды. И ты называешь это жизнью? Ты уже год сидишь в этой зловонной трубе. Год. Без меня ты даже счёт потерял. Ты не жил, — ты гнил. А теперь плачешь о тех, кто жил наверху, пил, смеялся и плевал на таких, как ты и твоя мать. Выбери, чья жизнь для тебя ценнее — их или её, которая гниёт в яме из-за твоей нормальности?»

Каждое слово находило то, что было спрятано. Не ломало — вскрывало. Правду о немощи. О нищете. О том глупом, отчаянном поступке, что всё разрушил.

— Я спас тебя. Тогда, в переулке, когда ты, перепутав трусость с яростью, бросился на стражников с кухонным ножом. Они скрутили бы тебя, как цыплёнка, и мать получила бы твой труп на порог. Это было самоубийство, а не геройство.

Я проложил дорогу к бегству. Проблема не во мне. Проблема в твоей детской вере, что мир играет по твоим правилам.

Голос сделал паузу. Когда продолжил – стал чуть тише, но не мягче.

— Ты переживаешь за пьяных в пабе больше, чем думаешь о матери прямо сейчас. Это был единственный способ залечить смертельные раны и двинуться дальше. Чем быстрее мы станем сильнее, тем быстрее ты получишь своё долго и счастливо.

Крик застрял в горле. Ярость сменилась чем-то хуже – леденящим стыдом и осознанием. Магацу медленно опустился на колени и уткнулся лбом в холодный камень. Его тело, такое сильное, вдруг стало чужим и тяжёлым.

Это было не примирение. Это было признание поражения перед правдой, с которой некуда бежать.

— ...Что мне делать?, — выдохнул он с пустотой и усталостью.

Голос прозвучал без прежней жестокости – но с той же неумолимостью:

— То, что ты должен был сделать год назад. Перестроиться. Стать сильнее. Не быть жертвой, а быть хищником. Встань же наконец. Первая печать нас ждёт. Каждый шаг к ней — это шаг к матери.

Магацу встал и его ноги двинулись вперёд.

В тоннелях было тихо. Крысы наблюдали за ними неподвижно, с уступов и из трещин – но Магацу шёл, будто их не

существовало. Молчание между ним и голосом было плотным, как застывшая смола.

— И чего ты молчишь?, — спросил наконец брат.

Пауза, а за ней.

— Меня зовут Курома. И я понимаю, что ты сейчас разбит. Но пока есть возможность, давай поговорим.

Имя. Простое слово, но оно ударил в голову. Магацу не ответил сразу. Он просто шёл дальше и пытался переварить услышанное.

— Двадцать лет, — продолжил Курома, и в его голосе появилось нечто, чего раньше не было. Это была усталость. — Двадцать лет я жил в полнейшей тишине и одиночестве. Всё, что я мог, это наблюдать за тем, как ты живёшь за нас двоих.

Магацу резко остановился.

— Двадцать лет? Но мне самому одиннадцать, как это вообще возможно?

— До пробуждения, время внутри текло иначе. Пока ты жил снаружи, там оно шло вдвое медленнее. Когда тебе было десять, мне было уже двадцать. После моего пробуждения течение времени выровнялось. Тебе одиннадцать. Мне двадцать один.

Слова Куромы ударили не в разум, а куда-то глубже – в слепое пятно памяти. Оттуда не пришло ни образа, ни чувства. Только смутная, тошнотворная пустота.

— Я... ничего не помню, — тихо сказал Магацу, и в его голосе прозвучала растерянность.

— И не вспомнишь, — голос Куромы стал на мгновение странно плоским. — Твоя душа сама захлопнула эту дверь. И это, возможно, к лучшему.

Их разговор резко стих, а они шли дальше. Тоннель сужался. Крысы по стенам провожали каждый шаг. Датчики, что были сетью наблюдения Короля.

— Игнорируй их, — мысленно произнёс Курома. — Мы у него на виду и пока это играет нам на руку.

Магацу чуть замедлился, посмотрев на свои руки. Потом вниз, на ноги и торс. Тело было совсем другим. Не таким, каким он помнил его вчера – или год назад. Мышцы сидели иначе, плечи стали шире, сам он – выше. Незнакомое тело, которое тем не менее слушалось его идеально.

— Курома. Моё тело...

— Да. После трансформации оно нашло срединную точку, между одиннадцатую и двадцатую одним. Остановилось примерно на шестнадцати. Так что привыкай, это ещё не закончилось.

— А техники? Ты знаешь о них куда больше меня, но откуда, если видел только мои воспоминания?

Курома помолчал с мгновение, будто взвешивая, с чего начать.

— Техники тебе как наследнику пытались объяснять ещё в детстве, но когда тебе было шесть, мне было уже двенадцать, и от скуки я погружался в эту тему куда глубже. А ты не помнишь почти ничего. Детская травма разрезала твою

память пополам, до пожара и после. Даже я с трудом достаю оттуда хоть что-то.

— Ты думаешь, я сидел в одиночестве двадцать лет, просто так? Конечно нет, я изучал всё, что видел и успевал понять. Но в нашем теле я всё равно ограничен, твоя душа не пускает меня до конца. Ты гораздо более совместим с этим телом, чем я. Я — знание, ты — потенциал. И впереди нас ждёт первый настоящий урок.

Он сделал паузу. Потом добавил — тише, почти предупреждающе:

— Чувствуешь? Воздух стал тяжёлым. Мы близко.»

Воздух не просто тяжелел — он кристаллизовался. Каждый шаг давался с усилием, будто они шли не по тоннелю, а по дну смоляного озера. Звуки умерли полностью. Даже собственное дыхание Магацу превратилось в беззвучное движение грудной клетки. Струи воды с потолка застыли в воздухе ледяными сосульками. Пыль висела неподвижными облаками.

Старый Коллектор был прямо перед ними.

Это был зал забвения. Гигантская круглая камера, уходящая ввысь в непроглядный мрак. В центре, от пола до невидимого потолка, стояла она.

Шестиконечная звезда, закованная в лёд — светящиеся синим швы, геометрически безупречные и оттого чуждые всему живому обволакивали кристал. Вокруг неё пространство искривлялось. На полу лежали тени — силуэты духов, замо-

рожденные в момент попытки прорыва, их ауры растянуты в бесконечные тонкие нити, вплетённые в узор. Это была не конструкция. Это был большой живой организм.

Магацу почувствовал, как его нутро сжалось. Энергия внутри него заволновалась, откликаясь на вызов.

— Красиво, не правда ли?, — мысленно прошептал Курома, и в его голосе слышалось странное сочетание ненависти и голода. — Целая симфония порабощения. И мы сейчас её разорвём. Сейчас ты попробуешь на вкус не страх, а сам запретный плод.

— Что мне делать?, — спросил Магацу уже не в отчаянии, а в сосредоточенной готовности.

— Подойди ближе и коснись его. Впусти её всю в себя.

В миг прикосновения – раскалённые жилы пустились по рукам, прожигая плоть насквозь. По телу прокатилась волна боли, от которой перехватило дыхание. Из темноты поднялись четыре стража – древние, сотканые из самой печати. Каждый держал копье, похожее на продолжение собственного тела. Они неподвижно смотрели на него.

А следом, одновременно ударили.

Копья пригвоздили его к полу. Магацу не упал, его пронзили насквозь и прибили к камню. Боль была такой, что мир схлопнулся до единственной точки. Из головы полезли чёрные рога. Тело рвалось изнутри, отвечая на чужую волю, вплетённую в узоры печати.

— ДЕРЖИСЬ!, — рёв Куромы разорвал адский хор в го-

лове. — Это её последний вопль. Защитный механизм. Не поддавайся боли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.